

Н. М. МЕЛЬНИКОВ

В ЗАЩИТУ ЕРМАКА И КАЗАЧЕСТВА

В СВОИХ "Очерках по истории Сибири" А. В. Байкалов заявляет, что "исторически точных и критически проверенных сведений об Ермаке до нас дошло очень мало" и что "вокруг личности этого Русского Кортца сложилось множество самых фантастических мифов и красочных легенд". Из этого "множества" новый сибирский историк берет лишь то, что ему лично нравится, выбирает один из фантастических, но не очень красочных, мифов, и, несмотря на то, что "исторически точных данных" — по его же словам — "дошло до нас очень мало, так мало"... автор, не приводя других, неподходящих для него, данных, замалчивает мнения больших настоящих наших историков (профессора Платонова, С. Соловьева, Карамзина, академика Г. Миллера и многих, многих других ученых), не давая себе даже труда указать источники, на основании которых он делает свои выводы, берет на себя смелость в самой категорической форме преподносить под видом истины, не требующей доказательств, свои мнения.

Перейдем к рассмотрению утверждений г. Байкалова по пунктам. Прежде всего, он утверждает, что Ермак Тимофеевич не был донским казаком: "ни по рождению, ни по своему первоначальному роду занятий, ни по месту своей казачьей деятельности к донским казакам "Ермак причислен быть не может", "никаких сведений о том, что именно Ермак на Дону делал и принимал ли какое-либо участие в казачьих набегах и *грабежах* (курсив мой, Н. М.) до нас не дошло" и что вообще "серьезные историки в своих трудах о завоевании русскими Сибири об Ермаке говорить избежали"...

Эти утверждения совершенно не соответствуют действительности. Серьезные историки в своих трудах о завоевании Сибири не только говорили об Ермаке и его роли и значении, но в большинстве своем всегда, не говоря уже об отсутствии у них сомнений в том, что он вообще был казаком, считали и считают Ермака казаком Донским. Не избегают говорить о нем — напротив, специально останавливаются на нем — и советские ученые (проф. С. В. Бахрушин, Воронихин и другие).

Г-н Байкалов говорит, что "историки не нашли абсолютно никаких упоминаний имени Ермака в дошедших до нас документах Всевеликого Войска Донского". Нужно сказать, что в те — уже далекие — времена вообще много не писали и о затруднениях для будущих историков не задумывались, тем более казаки, привыкшие действовать больше оружием, чем гусиным пером. Кунгурская летопись, авторство которой приписывается монаху из дружины Ермака, говорит: "Казаки прославили себя мечом и отвагой, а не суетным писанием о себе". Тем не менее, беспристрастный историк не был бы так категоричен в своих утверждениях и не закрыл бы глаз хотя бы на такой официальный документ Войска Донского, как "Войсковая Отписка", посланная Донским Войсковым Кругом не кому другому, как самому царю Московскому.

В 1632 году из Москвы в Черкасск был прислан князь Дашков с поручением привести Донских казаков к присяге царю. Отвергнув настояния Дашкова, заявляя о готовности и дальше "неизменно" (т. е. без измены) служить царю и перечисляя главные "службы" Донских атаманов и казаков, Донцы писали: "Крестного, государь, целования, как зачался Дон казачьими головами, не повелось. При бывших государях старые атаманы и казаки им, государям, неизменно служили — не за крестным целованием"... Перечислив дальше подробно эти службы *Донских Казаков* (курсив мой, Н. М.), "Войсковая Отписка" включает в число *их* подвигов и "службу" Ермака: "Ермак Тимофеевич Сибирь взял и прислал в Москву к государю с языки, и царь Иван тех атаманов и казаков, которые в Москву присланы были, не велел к кресту приводить, а Ермаку впредь приказал быть на своей государевой службе — не за крестным целованием". Ведь, писалось это в 1632 году, всего лишь через 50 лет после покорения Ермаком Сибири, т. е. по свежей памяти.

Донцы отлично знали, что Ермак был Донцом, иначе в официальном документе, адресованном притом самому царю и по такому важному делу, они не могли бы, не рискуя опровержением со стороны Московских властей, поставить подвиг Ер-

мака в заслугу Донскому Войску.

А вот свидетельство недавнее: в "Записке о Войске Донском", поданной 3 декабря 1861 г. военному министру начальником штаба Войска Донского ген.-лейт. кн. Дондуковым-Корсаковым, последний, указав, как Донские казаки дорожат особенностями своего быта, пишет попутно, что имена Ермака и других популярных *Донских атаманов* "еще очень свежи в памяти народной" (курсив мой, Н. М.). Если бы я не был в *Maison de Retraite*, не имея под рукой библиотеки, не имея возможности ездить хотя бы в Париж, чтобы порыться в источниках, я мог бы привести много и других доказательств и цитат, не ограничиваясь теми, которые я могу почерпнуть из имеющихся у меня немногих книг*). Беспристрастный историк мог бы найти указания на то, что глава Ермаковского посольства к царю атаман Иван Кольцо, делая доклад Грозному о подвигах Ермака, назвал Ермака сыном Тихого Дона, как называет его этим же именем американский историк Гольдер.

В "Большой Энциклопедии" Т-ва "Просвещение", в которой исторический отдел был поручен ученым историкам, указывается, что Ермак был на Дону атаманом Качалинской станицы (важного в те времена района городков Качалин и Паншин, в 60 верстах от Царицына, около самой Волго-Донской переправы, Н. М.) и "поставлен для охраны границ от Астрахани до реки Дона". В "Истории Донского Войска" историк Броневский — как и Донской историк А. Леонов и другие — опираясь на проверенные ими сведения, категорически утверждают не только то, что Ермак был казаком, но и казаком именно Донским и Качалинской станицы. К тому же заключению пришел и историк Н. М. Карамзин, считающий Ермака казаком Качалинской станицы Донского Войска.

**

КАЗАКИ говорили, — лично я этого не слышал во время отбывания воинской повинности во 2-ом Донском полку — что во многих Донских полках на занятиях по "словесности" молодым казакам задавался, между прочим, вопрос: "а почему нас прозывают Чигой"? — Да потому, что мы — потомки Ермака Тимофеевича **ЧИГИНА**".

Наибольший вес, конечно, должны иметь официальные документы, относящиеся ко времени, наиболее

*) Воспользовался я и некоторыми данными проф. М. Миллера, Б. А. Богаевского и Г. Губарева.

близкому к концу XVI века, когда действовал Ермак. И они имеются. Так, первый из назначенных в Сибирь Тобольский архиепископ Киприан (впоследствии митрополит Новгородский) в 1621 году, т. е. всего лишь через 36 лет после смерти Ермака, опрашивал в Сибири старших в живых казаков из дружины Ермака, и они подали ему "писание", на основании которого архиепископ составил дошедший до нас "Синодик для поминовения имя *Донского казацкого атамана Ермака*" (курсив мой, Н. М.).

В своей "Древней истории казачества" Донской историк Савельев приводит два документа: 1) грамоту царя Михаила Феодоровича от 24.2.1623 г. Тюменским воеводам о назначении Тюменским атаманом сподвижника Ермака Гавриила Иванова: "служил же он в Сибири 42 года, а прежде того... на Поле (т. е. на Дону, Н. М.) 20 лет у Ермака в станице и с другими атаманами". 2) в челобитной тому же царю другой сподвижник Ермака пишет, что до похода в Сибирь он 20 лет служил с Ермаком в Поле.

Историк конца XVII и начала XVIII века А. Г. Попов в "Истории Войска Донского", не сомневаясь в том, что Ермак был казаком Донского Войска, описывает его наружность и указывает дату его рождения — 1540 год. В Записках донского историка Х. И. Попова указывается, что в войне с Ливонским орденом в составе русской армии было два казачьих отряда, один под командой атамана Василия Янова, а другой — атамана Ермака Тимофеевича. Об этом же говорится и в "Дневнике короля Польского Стефана Батория".

То, что Ермак был казаком не в "Байкаловском" смысле, и казаком именно Донским, подтверждается и богатым фольклором, посвященным Ермаку. Знатоки донских казачьих песен донец Листопадов собрал и опубликовал, среди множества других донских песен, 38 — в большинстве старинных по своему складу и языку — чисто народных песен исторического содержания, посвященных исключительно донскому герою Ермаку. В них прославляются его походы, подвиги. Таких песен об Ермаке и в таком количестве ни в каком другом месте России, кроме Дона, не существует. Не существует нигде и такого количества и такого давнего происхождения, как в Донских Музее и куренях — особенно в низовых станицах Дона — и портретов Ермака.

Если справедливо одно из предположений профессора М. Миллера, что

писания г. Байкалова вызваны стремлением к оригинальности и саморекламе, то придется признать, что рекламу эту — в части, касающейся казачества — можно сравнить лишь с саморекламой грека Герострата, в четвертом веке до Р. Х. сжегшего, с целью прославиться и войти в историю, великолепный храм богини Дианы.

Это не первая попытка "свалить" Ермака с его "пьедестала": с пьедестала — в буквальном смысле этого слова — пытались после окончания гражданской войны стянуть трактором Ермака и большевики в Новочеркасске, но после безуспешной попытки, когда канаты полопались, попытки своей не возобновляли — величественная статуя Ермака и до сих пор стоит на главной площади, называвшейся при нас Соборной, Новочеркасска. Так и покушение г. Байкалова останется лишь "покушением с негодными средствами".

А средства, действительно, "негодные". Читая строки г. Байкалова об Ермаке, я был удивлен полным отсутствием указаний на то, откуда автор взял материал для своих экстравагантных выводов. Один из донцов, знавший, что я готовлю статью об Ермаке, сообщил мне, что он недавно нашел у букиниста книжку Юрия Семионова "Завоевание Сибири" ("Ля конкет де ля Сибири"). Прочитав ее, он был поражен необычайно полным тождеством очерков г. Байкалова и его выводов с писаниями г. Семионова (историка, если не ошибаюсь, в прежней России неизвестного). Книжку эту он переслал мне, когда я уже закончил мою статью, но я все же имел возможность вставить в текст это небольшое добавление. В этой книжке я проштудировал то, что относится к Ермаку, и, согласившись с выводами моего корреспондента, нахожу, что г. Байкалов — если он действительно использовал для своих очерков именно этот источник — имел серьезные основания воздержаться от ссылок на него. "Ля конкет де ля Сибири" снабжена гравюрами, причем на обложке красуется покоритель Сибири в роскошных доспехах на коне, богато убранном, во главе отряда казаков, также красочно одетых и на прекрасных лошадях. Историк на этот раз упустил из виду, что Ермак и его сподвижники передвигались по Волге, Каме и Сибирским рекам не верхом на конях. На 9-ой странице он путает кн. Ивача Калиту с царем Иваном IV, называя его Грозным. Описывая привод в Искер пленного Шахметкуля, сына хана Кучума, Ю. Се-

мионов заставляет Ермака устроить парад, выставить почетный караул и "от имени царя Московского" обещать принцу "большую милость"... Первый назначенный в Сибирь, Тобольский архиепископ, впоследствии митрополит Крутицкий и Новгородский, Киприан без всяких к тому оснований получает от историка наименование "Великого Инквизитора", казаки обзаводятся гаремами и потом, при продвижении вглубь Восточной Сибири и на Дальний Восток, они, при неисправном взносе ясака в московскую казну, убивают мужчин, а женщин и детей забирают в плен?!... "Каждый казак имел свой маленький гарем"...

Вообще, автор старается приспособить изложение ко вкусу французской читательницы (как он ее, очевидно, себя представляет) и дать ей "занимательное" чтение. С удивлением узнаем, что в успехах Ермака "не последнюю роль играли татарские женщины", что в истории Сибири был "украинский период". Долго рассказывается история мещанина Хмелевского, гарем которого, после осуждения преступника, делят между собой... "нуждающиеся". У хана Кучума автору известен даже цвет его крашеной бороды... Констатируя, что при встрече с татарами в 1472 году Иван III не решился их атаковать, историк Семенов пишет — «Et bien, prince, твой час настал. — небесные силы все еще с тобой?» Говоря об атаманах — ближайших помощниках Ермака в Сибири — г. Семенов включает в их число "Митю" Бритусова, причем приводит его *riculum vitae*. "Митя" — оказывается — пропил кассу своей станицы на Дону и был публично, всенародно высечен, после чего отправился воевать с поляками и вернулся в станицу с католическим распятием, которое пожертвовал в свою станичную церковь, за что был избран атаманом станицы, "однако" злобная супруга его застала "Митю" на месте преступления с некоей "дам козак" и перепуганный храбрый атаман без штанов убежал в степь, а оттуда, похитив по пути молодую татарку, ускользнул от жены на Волгу и стал там атаманом у Ермака... Замечательное для "историка" знание казаков и казачьего быта...

Щеголяет автор и знанием "старых, донских пословиц" и приводит такую: "настоящий казак не тот, кто побеждает, а тот, кто умеет найти выход из всякого положения". Уверен, что ни один донец никогда не слышал на Дону такой "старинной" пословицы. На остальных стра-

ницах "Завоевания Сибири" можно было бы найти немало "занимательных" "исторических" сценок, но думаю, что и приведенных достаточно, чтобы иметь ясное представление, какими источниками могут иногда пользоваться новоявленные историки для провозглашения своих непрекрасимых "аксиом".

**

КАКИЕ ЖЕ доказательства приводит г. Байкалов, пытаясь опровергнуть мнение старых ученых историков, не сомневающихся в казачьем происхождении Ермака? Доказательств, в сущности, у него нет никаких — голословно высказываются лишь мнения автора, притом в самой категорической, ничем не оправдываемой форме. Место рождения Ермака точно неизвестно, да в те далекие времена метрических или каких-либо других записей и не велось. С большой вероятностью можно предполагать, что он родился в той самой станице, где был избран атаманом, т. е. в станице Качалинской, так как обычно казаки выбирали в атаманы своих "рожков", своих станичников, но возможно, что родился он и не на Дону, а на Каме или другой реке, куда ушли его восходящие, вынужденные в свое время враждебными силами подняться вверх по течению реки Волги. Многие казачьи дети и в наше время рождались за пределами Дона в Петербурге, Москве и других городах, где служили их родители, как рождаются и теперь за границей, в изгнании — от этого они не переставали и не перестают быть казаками.

Глубокомысленно придумали для Ермака фамилию "Повольский", упустив из виду, что в Сибирских Летописях Строгановской, Есиповской и Ремезовской и в грамотах Ивана Грозного (см. хотя бы грамоту Строгановым от 16.11.7.091, т. е. 1582 года) польскими и повольскими, т. е. Волжскими, называли и всех соратников Ермака — его атаманов, есаулов и казаков — потому, что они пришли с Волги.

С одной стороны, констатируется, что "исторически точных и критически проверенных сведений об Ермаке до нас дошло очень мало, так мало"... а с другой — неожиданно для читателя оказывается, наоборот, такое обилие данных, что г. Байкалов считает себя вправе с непогрешимостью категорически устанавливать не только фамилию и имена отца и даже деда, но и местожительства их, с указанием даже и профессии деда и его моральных качеств. С удивлением узнаем,

что г. Байкалову доподлинно известно, что дед Ермака жил "в глухой деревне, расположенной в Муромских лесах — надежном убежище для многочисленных разбойничьих шайк", причем служил там "ямщиком"... Ямщицкий гон в конце XV или в начале XVI века? Да еще в глухих Муромских лесах, кишевших разбойниками...

Для подкрепления правильности своих мнений, для надобности во что бы то ни стало представить Ермака грабителем, деду его "приписывается" обвинение в том, что он находился "в подозрительной связи с рыцарями большой дороги"... Сначала это делается осторожно ("новидимому" дед Ермака находился в...), а в дальнейшем изложении это "новидимому" автор превращает уже в несомненность, и склонность к авантюрам и грабежам оказывается у Ермака уже пороком наследственным от "деда-разбойника" (курсив в двух словах мой, Н. М.).

Категорически отрицая за Ермаком право именоваться казаком, а за Донским казачеством право ставить Ермаку в Новочеркасске памятник, как герою Дона, обвиняя донцов в "экспроприации", утверждая, что "ни по своему первоначальному роду занятий, ни по месту своей казачьей деятельности" в Донском казачестве Ермак причислен быть не может, автор сам же говорит, что в конце 70-х годов XVI века Ермак был в Донском казачьем отряде, входившем в состав воевавшей в Ливонии армии Ивана Грозного. Чувствуя, очевидно, что получается нечто неладное, автор пытается эту неувязку исправить, называя казачий отряд в Ливонии "добровольческим", как будто давая этим понять, что туда могли войти и не казаки.

Автор не может не знать, что всеобщей воинской повинности в те века не существовало и самое понятие "доброволец" появилось лишь в позднейшие века. Донские же казаки, приходившие на помощь Московским царям в трудные моменты, входили в их армии в составе своих собственных казачьих отрядов, со своими выборными Походными Атаманами, избиравшимися при формировании отряда еще на Дону из среды, конечно, своих же казаков, притом уже раньше в прежних походах зарекомендовавших себя боевым опытом и доблестью, а Ермак был в этом отряде не рядовым казаком, а Атаманом. О последнем обстоятельстве г. Байкалов умалчивает.

Н. М. Мельников
(Окончание следует)

В ЗАЩИТУ ЕРМАКА И КАЗАЧЕСТВА

ОКОНЧАНИЕ

А КАК казаки и в те времена держались за свое выборное начало, г. Байкалов мог бы усмотреть из того, как отнеслись казаки, оставшиеся в Сибири после смерти своего Атамана Ермака — казаки “старой сотни”, как их называет летописец — когда воевода вздумал возглавить их неказакон Аршинским: право выбирать атамана они твердо отстаивали. Кстати, наличие этой “старой сотни” из казаков Ермаковой рати в Сибири после гибели вождя является и опровержением утверждения г. Байкалова, что Ермаковцы после его смерти превратились в “шайку разбойников” и ушли из Сибири...

В своем отряде, к которому Строгановы к 540 казакам присоединили “из городков своих ратных людей Литвы, и немец, и татар, и русских людей буйственных и храбрых предобрых воинов 300 человек, и того их собрания учредили осмьсот сорок человек буйственных и храбрых”, Ермак ввел *донские* порядки того времени с абсолютным подчинением на походе всех Походному Атаману, строго наказывая нарушителей. “И указ на преступление — говорит Ремезовская Летопись — чинили жгутами, а хто подумает ототти от них и изменить, и тому *по донски* (курсив мой, Н.М.) указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду (Донское старинное “в куль да в воду”, Н. М.) и тем в Ермака вси укрепилися, а болши 20 человек с песком и камнем в Сылву угружены (вероятнее всего из числа присоединенных 300, Н. М.). Блуд же и нечистота в них в великом запрещении с мерска, а согрешившего обмывши три дни держать на чепи”. Строгое наказание за блуд ограждало и женщин туземок от насилий этих, по утверждению Байкалова, “разбойников”. В Летописях имеется и другое указание на Донские казачьи приемы: Ермак напал на врага “на рассвете с гибом и свистом”.

Почему будущему завоевателю Сибирского царства Василию Тимофеевичу дано было прозвище Ермак, ни в одном источнике не имеется указаний, но во всяком случае нель-

зя согласиться с догадками г. Байкалова, указывающего, что слово “ермак” на татарском языке означает большой котел, в котором варились пища, и только на этом зыбком основании делающего вывод, что одно время *вероятно* (курсив мой, Н. М.) Ермак был занят приготовлением пиши для артелей сплавицков плотов. Не на посту артельного кашевара приобретаются те военные знания и опыт, которые сделали из Ермака большого полководца. Огромное количество кашеваров было на Руси, но не слышно было, чтобы кого-нибудь из них прозвали Ермаком. Донской историк Савельев установил, что на языке казанских и астраханских татар большой котел назывался таганом, а не ермаком, и считает, что корень слова ермак (у турок ирмак) древнеарийский от ер-ир, что означает “воин”. На монгольском языке ермак означает “холостяк”. Мы видели уже, что Ермаком Тимофеевичем и в Ливонии, и на Дону выполнялись другие, более высокие функции, чем кашеварские, а сам г. Байкалов признает, что “Ермак был не только храбрым и искусным воином, но и тонким дипломатом, недюжинным человеком”, вывинувшимся “в ряды выдающихся русских полководцев”.

Прославленный французами герой последней войны с Гитлером маршал граф Отклок, первым вошедший во главе своей дивизии в освобожденный Париж, выбрал для себя псевдоним Леклер, что означает “писец”, и под этим именем публиковались французские и английские репортажи об его подвигах, этим псевдонимом и сейчас именуются площади и улицы городов, но будущий историк нынешней Франции не будет доискиваться в какой канцелярии маршал Франции служил писцом, Леклер XX века, благодаря развитию “письменности” и газетного дела, в этом отношении счастливее Ермака XVI века.

Г-н Байкалов отвергает право Ермака на признание его завоевателем Сибири, ибо он всего лишь “нанес несколько военных поражений Кучуму и на некоторое время занял

его столицу Искер, по существу же поход Ермака был лишь чисто "грабительским наскоком", и Ермак и его соратники думали лишь об одном: "Захватить возможно больше добычи и потом убраться восвояси". Не смущает г. Байкалова ни приведенная выше, им же самим сделанная, оценка Ермака, ни жест Ермака, по собственному почину и по решению, принятому на Круге его дружинниками (тоже чисто донское "обыкновение". Н. М.), посланного — как пишет историк Н. М. Карамзин — "из града стольного Сибири в Москву первого по себе Атамана Ивана Кольцо бить челом царством Сибирским (курсив мой, Н. М.)".

Таким — могучим, протягивающим царю Грозному Сибирскую корону — изображен Ермак и на памятнике, поставленном донскому герою благодарным потомством в Новочеркасске. И этот жест толкуется г. Байкаловым по своему: Ермак сделал это только для того, чтобы получить прощение прежнего "воровства", "дабы потом беспрепятственно наслаждаться плодами грабежа сибирских инородцев"...

А между тем об этом "наследственном грабителе" сам же, не боявшийся вопиющих противоречий и не желающий расстаться со своим предвзятым упорством в очернении Ермака, как грабителя, автор своеобразных исторических очерков пишет: "со всеми своими пленниками он обращался хорошо, щедро поил их водкой и отпускал на волю без всякого выкупа" (курсив мой, Н. М.). Привыкшие к тому, что победители или прирезывали военнопленных или обращали их в рабство, татары были до крайности удивлены великодушием Ермака, рассказы о доблести и милости русского витязя быстро распространились в народе, "татары... готовы были верить всему, что он им говорил".

Дальше г. Байкалов пишет, что после завоевания столицы Кучума положение Ермака было "весьма трудное — из оставшихся 500 ратников чуть не половина были ранены, запасы пороха и свинна были совершенно истощены". "Казалось бы, при таких обстоятельствах Ермаку не оставалось ничего другого, как вернуться с награбленным добром домой — Ермак поступил иначе: он остался на зиму в Искере". И послал — "по совету с дружиною своею единомышленною (значится в Ремезовской Сибирской Летописи) — Ивана Кольцо бить челом Сибир-

ским царством"... Каждый беспристрастный историк иначе — высоко — оценил бы этот жест, сам по себе опровергающий концепцию г. Байкалова.

Оказывается, по Байкалову, Ермак не может быть признан завоевателем Сибири и потому, что "для включения этой огромнейшей страны в границы России потребовалось почти три столетия" и что "завоевание Сибири было закончено лишь основанием Владивостока", т. е. значит, лишь в половине XIX века...

Не может г. Байкалов не знать, что о Восточной Сибири во времена Ермака в сущности ничего не знали, и когда Ермака называют завоевателем Сибири, то под Сибирью разумеют Сибирь Западную с ее центром Искером, в котором находилась ханская ставка царя Кучума, носившая в то же время, кроме Искера, и другое наименование — Сибирь. Этим именем охватывалась и вся обширная, прилегающая к "граду стольному", область, подчиненная хану, которому подвластны были не только татары — часть распавшейся Золотой Орды — но и все племена, платившие Кучуму дань: остяки, вогуличи, пельницы, чукчи, урянхайцы, ханты, манси, туралцы и "прочие языцы".

Историкограф Карамзин пишет: "Загнав Кучума в Ишимские степи и поставив межевой столб Государства Московского на берегах Оби... Ермак послал в Москву первого по себе Атамана Кольцо бить челом... Царством Сибирским". Да и сам царь Московский Иван Васильевич Грозный не стал ждать основания Владивостока, чтобы присоединить к своим титулам титул Царя Сибирского. В своем рвении, оскорбительном для всех казаков, которых он всех именует грабителями, походы которых, по его утверждению, всегда носили лишь завоевательско-грабительский характер, автор косвенно чернит и "духовных детей" Ермака — казаков-землепроходцев, — которые продолжали дело Ермака (А. С. Пушкин назвал казака С. Дежнева Камчатским Ермаком) и завоевали для России в следующем XVII столетии и Восточную Сибирь.

Как Енисейский казак и сибиряк, заявляющий, что он изучал историю Сибири, г. Байкалов должен бы знать *подвиги* атаманов и казаков землепроходцев, стремившихся "первыми проторить Сибирь", открыть "великую тропу". Семена Дежнева (мыс Дежнев), уральского казака Семена Челюскина (мыс Челюскин), сотника Бекетова, "отыскавшего ре-

ку Лену", есаула Козыревского, "проведавшего Японскую землю", Пономарева, "открывшего Алеутские острова", Хабаров, Лаптевых, Протопопова, Чекина, Потанина, Атласова, Томского казачьего Атамана Дм. Копылова, Шелехова, Василия Бугора, Реброва, Илью Перфильева, Юшку Селиверстова, Ив. Москвитина, Мих. Стадухина и многих-многих других, "имена которых Ты, Господи, веши"...

Постепенно они покорили все сибирские племена и заставили их платить Московской казне ясак, построили "остроги" — маленькие крепости, превратившиеся потом в крупные сибирские города. Как Ермак, "казаки прославили себя... не светным исанием о себе" (слова Ремезовской Летописи), так и "Ермаковы дети" были настолько скромны, что, например, Семен Дежнев, открывший самый восточный пункт Азии, назвал его не своим именем, а "Мысом Восточным Большим", а Челюскин, достигший самой северной точки Таймыря, назвал ее "Восточно-Северным Мысом". Потребовалось б о л е е 150 лет, чтобы по настоянию известного шведского ученого исследователя Норденшюльда, узнавшего по трудам немецких ученых Пешеля и Мюллера о роли казаков-землепроходцев, Российское Географическое Общество назвало Восточный мыс "Мысом Дежнева", Восточно-Северный "Мысом Челюскина".

Сколько "грабителей" сложило свои головы во время этих походов-поисков для России "новой земли" и для приску "новых неясных людей", сколько потеряло зрение, ничем тогда незащищенное, из-за ослепительной белизны полярных снегов. В Московских архивах сохранились два челобитных С. Челюскина, потерявшего во время "поисков" здоровье и все свое личное состояние "просившего возвратитъ ему хотя бы часть путем выдачи жалования. Просьба была Московскими властями удовлетворена.

По настоянию иностранца были признаны заслуги казачьих землепроходцев, по инициативе иностранца же — маршала Франции Лиотэ ("Африканского"), организатора Колониальной выставки в Париже, имена Дежнева и Челюскина сияли в славной компании, начиная с Колумба, на обелиске при входе на выставку в 1931 году.

Преодолевая бурное течение Ледовитого океана и Сибирских рек, горные кряжи и бесконечные степи Сибири, необозримые тундры и девст-

венную лесную тайгу, продвигаясь маленькими группами без необходимого оборудования, “с голыми руками”, но с оружием, казаки-землепроходцы в своих поисках-походах проявили исключительную находчивость, сверхчеловеческую выносливость и ум, на деле проявляя любовь к родине, расширяя ее пределы, способствуя России большой превратиться в Россию Великую. Большой китайский дипломат так оценил роль и значение казаков: “границы Русского государства лежат на арчаке казачьего седла”.

**

БОЛЕЕ беспристрастное отношение, чем у казака Байкалова, встречаем мы даже у большевиков, одно время упразднивших даже самое имя “казак”. Так, в книге Д. М. Лебедева “География в России 17-го века”, изданной в 1949 году Академией Наук, находим такие строки (стр. 75): “Было бы совершенно неправильно объяснять... стремление на Восток исключительно одной наживой. Мотивы поведения значительно сложнее. Самая обстановка путешествий, полная огромных лишений и грозящая на каждом шагу гибелью, была такова, что требовала наличия и особых качеств и особого интереса. Этих людей, иногда даже неграмотных, каким, например, был Бугор (казак Василий Бугор, Н. М.), влекло, помимо наживы, ненасытное любопытство, стремление к неизведанному, переходящее в настоящую любознательность и исключительную зоркость наблюдения. Им руководило также — может быть и не вполне осознанное — представление о том, что они выполняют полезное, патриотическое дело, ведущее к возвеличению их отечества. Ряд советских ученых обращал внимание на эти качества”.

Приведу и несколько слов из песни “Смерть Ермака”, авторство которой принадлежит Рылееву:
Нам смерть не может быть страшна:
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно в мире жили.

“Ермак — пишет г. Байкалов — несомненно был “казак”, но, разумеется, не в том смысле, который имеет это слово в наше время, а в том, в каком наши предки называли общим именем “казаков”, т. е. человеком “гулящим”, не всегда разборчивым в роде своих занятий — “по всей вероятности” (курсив мой, Н. М.) принимавшим довольно

дейтельное участие в “удалых делах” волжских казаков-пиратов”.

Замечательны у “историка” такие доказательства, как “по всей вероятности”, “повидимому”, голословные “как известно”, “известно, что дед Ермака был ямщиком”... Не менее замечательны противоречивые сумбурные оценки и характеристики... Смешав человека с грязью, изобразив его “гулящим”, “не разборчивым в средствах” и т. п. г. Байкалов не стесняется присоединиться к оценке Ермака историографом Карамзиным, написавшим, что “население Сибири в Ермаке, человеке с глазами светлыми, быстрыми — зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного — нашло правителя мудрого, кроткого, справедливого”, г. Байкалов со своей стороны заявляет: “татары были до крайности удивлены великодушием Ермака”, “недюжинного человека, который своим великодушием, пленным и к плательщикам ясака показал себя не только хорошим дипломатом, но и разумным дальновидным политиком с большими затками настоящего государственного деятеля”, который “был крупным и привлекательным по своему характеру строителем Российской государственности”...

Поражает в авторе, — особенно авторе — казаке — напряженность резко отрицательного враждебного отношения к казачеству, идущего в разрез — особенно в вопросах, касающихся Ермака — с подавляющим большинством историков. Нужно отметить, что г. Байкалов применяет в наше время термины, которые в 15—16—17 веках имели совсем другое значение. В частности, слова “воровство”, “вор”, употреблявшиеся московскими приказами в отношении казаков, он отождествляет со словом грабитель. “Вором” на жаргоне приказном считался всякий, кто уклонялся от подчинения или противодействовал требованиям власти, выступая ее политическим противником, или уходил от нее. Вором — “Түшинским вором” — был Лжедмитрий, “вором” был князь Курбский, бежавший “от царского гнева”, “ворами” были свободолюбивые люди, уходившие от “Шемякина” суда, от своеволия опричников и воевод, старообрядцы, дорожавшие верой своих отцов больше, чем имуществом и покоем, уходившие и от тягот крепостного права, ворами называли казаков, защищавших свое право жить по своим законам и обычаям, свое право предо-

ставлять политическое убежище тем, кто уходил на Дон.

Не явился казачий лозунг “с Дона выдачи нет”...

Не так просто можно подходить и к деятельности Ермака на Волге, перед уходом его дружины на Урал и в Сибирь, и его “воровство” нельзя приравнять к вульгарным грабежам.

Сибирская Ремезовская Летопись так описывает события: “В 1577 - 1578 г.г. Атаман Ермак воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и каторги торговых караванов... 1 октября 1578 года послан указ от великого государя со стольником Иваном Мурашкиным по дороге в Астрахань — где тех воров не застанет, тут пытать, казнить и вешать”. “Услыша грезное слово и дело царя, Ермак и его дружина задумали бежать в Сибирь и обратя струги поплыли по Волге и по Каме вверх”.

При оценке положения нельзя упускать из виду, что та был период “междоцарствия” — прежняя власть над этими местами Золотой Орды недавно пала, Московская власть, овладев в 1522—1554 г.г., при помощи казачьих отрядов, Казанью и Астраханью, утвердилась пока только в этих городах, по течению же Волги казаки, не будучи тогда подданными Московского государства, живя за его пределами на “Поле”, смотрели на себя, как на естественных владельцев реки, на которой они распоряжались и раньше, до воцарения Золотой Орды, под натиском которой они вынуждены были подняться вверх по Волге на Каму и дальше, а теперь, после распада Орды, снова спустившихся на старые свои места.

Это было право “первого занявшего” никому не принадлежащее пространство, и Ермак, избранный Кругом на речке Камышенке Атаманом, мог считать себя вправе облагать пошлинами и захватывать ногайские, персидские, ардобазарские и другие караваны. Так, без осуждения, смотрела на дело и Строгановская Летопись: “Строгановы слышали о буйстве и храбрости повольских казаков и атаманов Ермака Тимофеева с товарищи, како на Волге на перевозах Ногайцев побивают и Ардобазарцов грабят и побивают”... “и людей своих с писанием и с дары многими послаша к ним, дабы шли к ним на спомогание”... пришедшие “атаманы и казаки стояху против безбожных Агарян буйственно и единомысленно”. Таковы были нравы и обычаи, ца-

рившие повсюду в средние века. Не больше прав на Волгу имел и царь Иван Грозный. После победы над татарами казанскими и астраханскими он стал смотреть на казаков, хозяйничавших на Волге, как на конкурентов. Воспользовавшись падением одного из атаманов Ермака — Ивана Кольцо — на московский караван около Соснового острова, Иван Грозный послал против Ермака стольника Мурашкина с большими силами.

Казаки нападали-грабили... Почему это ставится в вину именно казакам и только им? А как вели себя в те же давние времена нормандские викинги, испанцы при завоевании Америки, феодалы на Западе, как вели себя цари Московские? Какое колоссальное количество добра — золота, серебра, драгоценных камней, мехов и пр. и пр. вывез современник Ермака царь Иван Грозный, разгромив вольный Великий Новгород? А сколько добра вывезли — на два века позже ермаковских “грабежей” — в 1812 г. Наполеон и французы, как вели себя воины многих других европейских армий во время совсем недавних войн и оккупаций, что делали неказачьи части Красной армии при занятии ими Восточной Германии в последнюю войну (и “согрешивших” не держали “по три дня на чели”, как держал их, “обмывши”, Ермак).

Прочитайте в “Записках” генерала П. Н. Врангеля (“Белое Дело”, том 5, стр. 248), как во время гражданской войны подвизались по части “военной добычи” (в которую входили пианино, мягкая мебель и пр.) некоторые из прославленных военной доблестью неказачьих частей армии, выполнявшей “Московскую директиву”.

Надо быть хоть немного беспристрастным, и особенно непростительно казаку безоглядное шельмование казаков вообще и их народных героев в частности. Обличителю казаков должно было бы быть известно, какой достойный отрицательный ответ дали “воры и грабители”, в Смутное Время по собственной инициативе пришедшие с Дона спасать Россию, когда игумен Троице-Сергиевой Лавры — очевидно, думавший, что донцам надо платить — прислал им, в их полное распоряжение, серебро и драгоценности, снятые с чтимых икон и взятые из ризницы Лавры.

Нужно думать, что ему известно, как Донские казаки, по призыву атамана графа М. И. Платова ополчившиеся поголовно, когда в одних

и тех же полках одновременно бились деды, отцы и внуки, как Донцы распорядились серебром, отбитым ими у французов и которым, по обыкновению того времени, они имели право распорядиться: из этого серебра, по их желанию, сооружен великолепный массивный иконостас православного собора в Лейпциге. Сошлюсь и на другой пример из Отечественной войны: 23 декабря 1812 года светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов писал митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Амвросию: “Благословите сей дар, приносимый воинами Подателю побед. Храбрые Донские казаки возвращают Богу похищенное из храмов Его сокровище. На меня возложили они обязанность доставить Вашему Высокопреосвященству сие серебро, бывшее некогда украшением святых ликов, потом доставшееся в добычу нечестивых хищников и, наконец, храбрыми Донцами из их когтей исторгнутое. Предводитель Войска Донского граф Матвей Иванович Платов и вместе с ним все его воины и я желаем, чтобы сии слитки, составляющие весу 40 пудов серебра, были обращены в изображение четырех Евангелистов и служили убранством церкви Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге. Все издержки, нужные на изваяние сих священных ликов, принимаем мы на свой счет”.

**

ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ противоречий, двуликий Янус, автор “Очерков по истории Сибири” заканчивает свою повесть об Ермаке так, как будто он и не выливал грязи на народного героя: “Ермак Тимофеевич был крупным и привлекательным по своему характеру строителем Российской государственности, и благодарное потомство, и в первую очередь потомство сибиряков, всегда будет хранить о нем добрую память”...

На этот раз мы с ним согласимся, но от себя продолжим: и хула, возведенная сибиряком, Енисейским казаком А. В. Байкаловым на Ермака Тимофеевича, гордость Дона и всего казачества, по суду Шемякина лишенного казачьего и Донского звания и выставленного вульгарным грабителем, стремившимся лишь “беспреступно наслаждаться плодами грабежа сибирских инородцев”, хула эта не омрачит светлой памяти и не уменьшит славы Донского казака Ермака Тимофеевича.

Н. М. Мельников